

Великая французская революция — Lurkmore

«— Каковы, по-вашему, были последствия Французской революции?»

— Ещё слишком рано судить.

»

— Чжоу Эньлай о [Парижской коммуне](#)

Великая французская революция (фр. *Révolution française*, *французская буржуазная революция*) — эпический [холивар](#), возникший из-за дисбаланса сил [Бобра](#) и [Осла](#), и хранящийся в [парижской палате мер и весов](#), как всемирно признанный (да и [первый вообще](#)) образец подобного масштаба. Знаменита масштабом бурления говн, кучей выдающихся персонажей, появившихся в ходе революции и после неё, длительностью — продолжалась 10 лет (с 1789 по 1799 гг.), ну и конечно обилием [гуро](#).

В результате старая Европа была проёбана, зато появилась новая, с [блэкджеком](#) и [шлюхами](#) [Императором](#). Считается праматерью всех революций. Что характерно, многие её ключевые моменты чудесным образом походят на [события в России начала XX века](#), а также [в/на Украине в 2014 году](#).

Европа, которую мы потеряли

За 5 минут до катастрофы

Всё началось с атмосферы, которая окутывала Францию XVIII века. Король тратил спизженное у простого люда и [мыдла бабло](#) на пьянки и шлюх, а [дворяне](#) с попами-католиками вторили ему. В стране год за годом происходили экономические кризисы, бушевала безработица и массовый голод, пик которого как раз пришёлся на весну-лето 1789 года. В стране процветали пережитки феодализма и сословного строя: дворяне смотрели на всех остальных как на говно, а все остальные сословия люто, бешено ненавидели дворян. Во внешних делах Франция скатывалась в то же странное говно — например, благополучно проебала Северную Америку [гадящей англичанке](#). В итоге из [пафосной](#) империи она превратилась в подобие Рашки начала 1917-го, только ещё отсталее и грязнее, с коррупцией, бюрократизмом и парой деревень в Африке.

[The French Revolution \("Bad Romance" by Lady Gaga\)](#)

Революция в кратком изложении

Вы спросите, чем же занимался в это время король? На этот вопрос лучше всего ответит Людовик XV, а вернее его фаворитка маркиза де Помпадур: однажды, когда ему намекнули, что если продолжать бухать и кутить, то казна может и опустеть, его любовница выдала мем: «[После нас хоть потоп!](#)». Потоп обошел его, но не его внука — Людовика XVI. С этим номер не прошёл — после векового кутежа двор сожрал всё бабло. Да и адский [вин](#) Англии в колониях и Пруссии на материке — Семилетняя война — всем показал, что такое [французская армия](#).

И не удивительно. Пока в стране был кризис, пока госдолг рос так, что его не успевали подсчитывать, пока народ тоннами подыхал от беспросветной нужды, королевский двор (примерно 1500 человек) проявлял чудеса расточительства. Особенно в этом преуспевала женушка короля — Мария-Антуанетта, не случайно прозванная «мадам Дефицит». Да и сам Людовик не скупился в затратах: на деньги, потраченные в честь его коронации, можно было купить половину Франции со всеми её жителями. Вообще, король и королева были очень даже интересными личностями, подобных [раздолбаев](#) ещё поискать надо. Кроме абсолютного неумения держать бухгалтерию государства (ведь казна — это вам не зарплата инженера, за раз не потратится), они ещё обладали прямо таки вселенским пофигизмом. Приближенные к королю министры за много лет до революции предупреждали, просили, требовали хоть что-нибудь изменить, поменять, сэкономить, но сладкая парочка дружно клала болт на все советы ([никого не напоминает?](#)). Чего уж там до чаяний простого народа. Людовик до самой смерти так и не поймет, что же побудило его «добрых французов» к революции. Непонимание королевским двором творившейся в стране обстановки очень хорошо показывает фраза, приписываемая Марии-Антуанетте, в отношении бедноты: [Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!](#) На этом фоне выделяется то, что Людовик был [плохим королём](#), даже в тот момент, когда армия уже подтянута к Парижу и готова с помощью [оружия](#) остановить революцию [своими методами](#).

А это уже следующая революция. Тема [сисек](#) раскрыта

А это уже следующая революция. Тема [сисек](#) раскрыта

А ведь на этого монарха так надеялся народ, особенно его передовые классы: буржуазия и интеллигенция. Они верили, что при нём наконец закончится царство беззакония: хотя бы отменят многие сословные и феодальные привилегии, введут нормальные законы и поправят экономику. Однако с первых же дней им пришлось разочароваться — Людовик оказался обыкновенным политическим паразитом, намеревавшимся спокойно закончить свой век на чужой спине. Он лишь ухудшил то, что уже нельзя было ухудшить. Даже по всем приметам было видно, что правление Людовика не будет хорошим. Например, [страшная давка во время раздачи подарков народу на его коронации, закончившейся множеством жертв](#). В народных бедах обвиняли также и Марию-Антуанетту — «проклятую австриячку», которая, по многочисленным версиям, запудрила мозги доброму королю и правила вместо него. Такой оборот дел многим не нравился и в обществе началось [бурление крамольных идей](#).

Достаточно продолжительное количество времени гнев хомячков удавалось сдерживать заявлениями о том, что без мудрой и направляющей воли [короля](#) страна скатится в [полный ужас и пиздец](#), так как проекты [гуманистов](#) были всё-таки достаточно утопичными. Точнее, очень утопичными. Однако на момент начала бурления говн выяснилось, что [североамериканские колонии Великобритании](#) устроили небольшой баттхёрт своему доброму королю и зажили по гнусным демократическим законам. Более того, поскольку в той войнушке Франция умудрилась сыграть за Соединённые Штаты Америки, было доподлинно известно, что там не едят детей, экономика не скатилась в адос пиздец, а всё относительно благополучно.

Тем временем, чтобы хоть как-нибудь погасить долги (а иначе новых балов не видать), король созвал Генеральные штаты, дабы ввести новые налоги. До этого подобные проблемы решал другой орган власти, состоящий сплошь из аристократов, налогов не плативших. Так как в планах было обналожить их тоже, такой орган не годился. Штаты же, которые до этого вообще не созывались аж 200 лет, вроде бы подходили.

По идее должно было проканать — выборы проходили по хитрой схеме: по одному голосу с каждого сословия. Сословий было три (дворяне, духовенство и все остальные), причем первые два вроде бы считались верными королю. Верность закончилась там, где начались деньги — аристократы, которым, если честно, король уже надоел, слушать его не хотели и попытались спихнуть налоги на третье сословие. Естественно, что последние должны были остаться в дураках. И видя, что нет сил уже терпеть, третье сословие гордо заявило, мол, все эти штаты фуффло, мы представляем интересы более [95%](#) населения, и отпочковались от них, назвавшись Национальным собранием (позже Учредительным собранием, а потом ещё много раз поменяли название). Затем они принялись менять законы и уравнивать всех в правах (хотя бы основных).

Казалось бы, немыслимое дело в монархическом государстве, и королю следовало бы загубить гидру в самом её начале, как это сделали его предки во времена Жакерии. Но Людовик XVI на все вести из Парижа томно отмахивался холеной ручкой и отправлялся принимать реверансы в своем Версале. Есть, впрочем, мнение, что у короля на то была веская причина личного характера. Дело в том, что его сын, тот самый дофин, рождения которого ждали так долго, был ребёнком слабым, болезненным, страдал туберкулёзом, от которого в процессе заседания Генеральных Штатов таки и помер. Убитое горем семейство с королём во главе заперлось в покоях, по старинному обычаю отменив все общественные мероприятия, в том числе и заседания. Однако, поскольку по столь же давней сословной привычке отчитываться перед каким-то быдлом никто и не подумал, делегаты Третьего Сословия, явившись на одно из назначенных было заседаний, поцеловали дверь.

Заподозрив, что дело тут нечисто и их тупо хотят наебать, простолюдины быстренько передислоцировались в (принадлежавший, кстати, брату короля) зал для игры в мяч неподалёку, и устроили Генеральным Штатам вышеупомянутую обструкцию, поклявшись не расходиться до утверждения новой конституции государства. Король, по-прежнему убитый горем, опять на всё это забил.

А зря, потому что скоро наступил...

Штурм Бастилии

Когда Учредительное собрание стало понимать, что к их словам относятся как к лепету младенца и скоро их вообще спихнут из правительства, ими было принято роковое решение призвать в помощь народ. Никакого плана и в помине не было, всё случилось спонтанно и необъяснимо.

12 июля 1789 года Париж узнал о том, что их любимого министра Неккера, с которым связывали надежды на выход Франции из [тяжелого социально-экономического и политического кризиса](#), попросили

У Жака-простака широкая спина, всё вынесет...

У Жака-простака широкая спина, всё вынесет...

NEVEIL DE TRÉVIS EST.

Собственно штурм

освободить теплое местечко. От такой вести началось масштабное бурление говна, в ходе которого некто Камиль Демулен, взобравшись на стол в Учредительном собрании, аки на броневилок, крикнул: *Граждане! Я только что прибыл из Версаля. Неккер получил отставку. Возможно ли большее глумление над нами? У патриотов остается только одно средство — это прибегнуть к оружию. Итак, граждане, к оружию!*, после чего, собственно говоря, и начался пиздец.

Кстати, Камиль Демулен был по профессии журналист, что как бэ символизирует, кто стоит за всеми холиварами. Правда, когда ему тут же предложили возглавить восстание, он заявил, что отказывается от роли **вождя** и предпочитает **быть солдатом Отечества**:

«Свобода! Свобода! Она парит над нашими головами! Она увлекает меня в свой священный полет. Вперед к победе!.. Смотрите на меня, притаившиеся шпионы! Это я, Камиль Демулен, призываю Париж к восстанию! Я не боюсь ничего!.. Братья! Мы будем свободны!.. »

— гражданин Камиль Д.

Пару дней после этого ораторы готовили народ к действиям. И вот, утром *14 июля 1789 года*, захватив из попавшего под руку Дома Инвалидов пушки, несметные толпы народа с ружьями, пиками, молотами, топорами и дубинами наводнили улицы Парижа, прилежащие к Бастилии — главной политической тюрьме Парижа. Комендант крепости и его помощники были в ужасе: с королем не связаться, **солдаты заодно с толпой**, а люди всё прибывают и прибывают. К полудню было решено расстреливать их из пушек. Но разве это могло остановить людей, уже почувствовавших на губах сладкий привкус надвигающейся свободы...

Гарнизон понял, что сопротивление бессмысленно, и около пяти часов сдался. Благо охранял он всего 4-х узников. Пятый, небезызвестный маркиз **Альфонс Донасье Франсуа де Сад**, был накануне переведен зловещими силами французской **карательной психиатрии** в **Шарантон**. Впрочем, и оттуда он вскоре выбрался, как жертва старого режима, чтобы поучаствовать в Революции, попутно удовлетворив свое маленькое хобби.

В последующие недели революция стала шагать по Франции с невиданной скоростью. Чернь стала устраивать во всех городах и всях погромы, да такие, что позже о минувших волнениях начала года благородные сословия будут вспоминать с ностальгией. Толпа устраивала жуткие **самосуды над аристократами**, например, однажды беременной женщине посреди улицы **врезали живот и вырвали ребёнка**. Началась эпоха под названием «Великий страх». Под лозунгами «Хлеба! Смерть скупщикам!» восставшие захватывали хлеб, громили ратуши (по-нашему — приходские избы) и жгли хранившиеся там документы и книги повинностей. И горе тому помещику, что попадался в руки восставшего раба!

Учредительное собрание вконец распоясалось!

Король же тем временем признал, вернее, был заставлен признать существование Учредительного собрания. Теперь его мнения уже никто и не спрашивал, он тихонько сидел под тронем и на ситуацию не влиял. Собрание же, поняв свою безнаказанность, принялось творить такие вещи, что аж дух захватывало! Собственно, уже к августу были отменены многие феодальные повинности и церковная десятина, установлено равенство всех в уплате налогов (хотя крестьяне так и остались обязаны платить подушную) и в праве занимать должности. Позже собрание написало Декларацию прав человека и гражданина, отменив сословия и привилегии. Документ оказался настолько шокирующим, что иные саботьеры еще долго удивленно чесали бороды и обсуждали такие невероятные вещи как **свобода личности** и прочие чудеса природы.

Собрание же совсем разошлось и принялось щекотать попов и дворян за мягкое место, отобрав у них землю и продав её **тем попам и дворянам**, которые были за революцию. Позже стали создавать капитализм, отменив все ограничения на торговлю и цеха. И немало при том добились.

Версальский поход

Но написать все эти документы — одно, а принять — совсем другое. Для этого требовалась самоличная подпись короля, ибо он всё же до сих пор считался главным в стране. Ах да, где он? А он продолжал висеть на версальских танцуйках, плюя с высокой башни на послы от собрания. Но в собрании не дураки сидят, а с передовыми людьми так не обращаются. Эй народ, а ну вперед!!!

Чтобы силой заставить Людовика XVI санкционировать декреты и Декларацию, *5 октября того же года* состоялся поход бедноты на Версаль к резиденции короля, состоявший в основном из женщин, а также солдат и

Женщины за революцию!

гвардейцев (не напоминает ли это тебе, мон ами, памятные события 9 января 1905 года?). Командовал этим сбродом тот самый генерал Лафайет, в честь которого благодарные пиндосы назовут эскадрилью и атомную подлодку (он им во время войны с Англией помогал). Король на встречу не явился и сбежал на очередной дискач в Тюильри, тем самым окончательно подорвав у людей миф «о добром короле». А вот Мария-Антуанетта, пред тем как самой включить съедатор, всё-таки вышла на балкон и, нимало не смущаясь направленных на неё мушкетов, чуть-чуть помахала делегатам ручкой. Хотя этим всё и закончилось, толпа оценила мужество королевы и малость поутихла.

Казнь короля или Франция на пути к мировому господству

Constitution

Когда же до Людовика дошла мысль о том, что его время понемногу заканчивается, и пора бы хоть что-нибудь предпринять, было уже поздно — реальная власть в Париже оказалась в руках других людей. Оставался только один выход — валить туда, где было кому его пожалеть. Но стоило ему предпринять поездку по плохо знакомым просторам своего дорогого королевства, как первый же почтовый (!) разъезд спихнул его с трактора, выдрал за уши и отправил в родимое гнездо под охрану от самого же себя. А дело было так: выглянул из кареты Людовик, показав свой французский длинный нос... А тут крестьянин, который хоть короля в жизни не видел, но опознал одного, так как часто фалал на его профиль, изобразённый на монете, которую этот крестьянин где-то оттопырил... Революционное правительство отреагировало сразу, буквально через неделю, 3 сентября 1791 года, размашисто перекрестившись, оно показало миру своё детище — Конституцию. Мир ахнул.

Собственно говоря, ничего нового они не сделали и не написали (прообразом ей служила конституция США 1787 г.). Казалось бы, чего уж там: ну создали они однопалатный парламент, ну уравнили всех в правах, ну установили конституционную монархию, ну и что? Однако весь европейский курятник всполошился. Немыслимое дело — какие-то оборванцы грозятся покуситься на божественную монархию!!! Ну, то есть, на Хранцию всем было покласть с высокой колокольни, но что, если собственный народишко заразится опасными мыслями и тоже захочет пошатать их трон? В королевских дворах Старого Света спешно стали собирать армии и муштровать солдат — монархи желали самолучно растоптать злополучный документ в грязи. Национальное собрание (или как его там) в полном составе ухмылялось и раздумывало, как на всей кутерьме подзаработать.

План Людовика

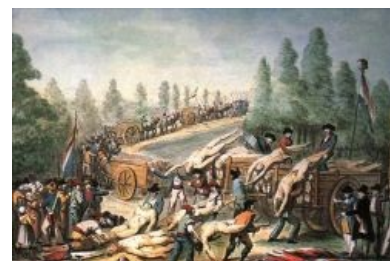
Не думайте, что все реформы, проводимые в годы революции, вели к неуклонному и скорому процветанию государства. Правительство было всё ещё по уши в долгах, на улицах продолжали бегать голодные беспризорники-гавроши, а доходов, в отличие от расходов, всё не предвиделось. Что делает в таких случаях умное правительство? Вытаскивает из закромов все золотые запасы, национализировать крупные предприятия и недвижимость, затем устраивает массовые расстрелы активно несогласных. Но французы думали иначе — они развязали войну. По типу «пойдём, ништяков нахапаем». В данном случае меч был направлен на давнего противника — Священную Римскую Империю. Профит был гарантирован: у сраной СРИ не было никаких шансов, зато бабла предостаточно. Плюс решалась напряженка с революционными кадрами, наводнявшими улицы Парижа. Из боевых хомячков была создана Национальная гвардия, которая тут же отправилась в поход.

Людовик, в котором уже начинали пробуждаться зайчатки разума, войну неожиданно поддержал. Шестнадцатый все ещё лелеял мечту о Старой Доброй Франции и даже подготовил для этого не такой уж хитрый, но всё же довольно коварный план. Мол, сейчас эти недоумки войну объявят, против них ополчится вся Европа, разнесет их в пух и прах, доберется до Парижа и тогда прощайте, друзья-революционеры! Даже на время согласился с революцией, нацепив себе на шляпу трехцветную кокарду (сейчас госфлаг Франции), из-за чего Мария-Антуанетта на некоторое время даже перестала делать ему минет.

Но плохо он оценивал свой народ. Сначала пруссаки, конечно, едва не заняли Париж, чуток не подфартило. Ну а хуле — обученная армия против неопытных хомячков. Однако потом хомячки прокачали скиллы и наголову разбили и пруссаков, и к ним примкнувших. Но это было уже потом — а пока хитрый план Людовика обернулся против него самого.

Штурм Тюильри

А пока Национальная гвардия подвергалась избиению хорошо вооружёнными и хорошо снабжёнными войсками других монархий, народ бежал с фронта. И вот, когда в Париже набралась критическая масса недовольных, те начали искать виновного. Ну конечно же, это был король — хотя на тот момент его значимость была не выше, чем у соломенного пугала в огороде, но ведь надо всё на кого-то свалить! И вот 10 августа 1792 года толпа повстанцев, называющих себя санкюлотами, набросилась на резиденцию короля. Охранявшая последнего гвардия, предусмотрительно набранная из швейцарцев, открыла по ним огонь, но была перебита до последнего человека. Из-за пережитого ужаса Людовик,

Обычная картина пля

находившийся в то время в Париже, отказался от власти, а Национальное собрание, для пущего пафоса переименованное в Конвент, с тех пор не могло и шагу ступить без ведома народных масс.

Семь лет спустя, 17 сентября того года

А народ тем временем лютовал и бесился. В стране стал назревать самый настоящий террор — т. н. «Сентябрьские убийства». Все тюрьмы были разгромлены, а находившиеся там аристократы были убиты во время бесконечного, непрекращающегося гуру. Было отрублено около 20 тысяч голов, но народу было всё мало — требовалась самая **главная**.

Людовик должен умереть!

Итак, судьба Луи Капета, как его теперь начали называть после отречения, была решена. Конвент (уже Национальный) благоразумно решил, что подобная птица нам **не нужна**, и, по велению народа, незадачливый монарх был единодушно приговорен к **гильотинированию** по обвинению в измене Родине и узурпации власти™. Приговор должен был быть исполнен в течение 24 часов.

Вглядиись, народ, в это лицо!

уже на их головы?

На удивление, приговоренный, с которым в последнее время вообще творилось что-то странное, сию весть воспринял спокойно. Так же пафосно и благородно он вел себя и в основную часть торжества, стараясь не упасть лицом в грязь перед народом (народу было пофиг, зато европейские монархи устно поддержали и потом ещё долго вспоминали душку Людовика): запретил себя вязать веревками, держался достойно и даже пытался шутить, поинтересовавшись у палача о судьбе экспедиции Лаперуза. Но сколь верёвочке не виться... Короче, в 9 часов 10 минут утра 21 января 1793 года на площади Революции под улюлюканье толпы голова монарха была сброшена в корзину для капусты. А через пару месяцев за ним последовала его верная спутница — Мария-Антуанетта.

Подозревали ли революционные деятели, наблюдавшие за казнью, что довольно скоро тот же самый **палач** опустит лезвие гильотины

Революция собирает жатву

Смерть жирондистам!

«Не мы сделали революцию, а революция сделала нас.»

— Дантон

Увы, но построить **демократию** так и не удалось. И причина понятна — слова это только слова. Конкурирующие группы самозабвенно пожирают друг друга, позабыв про реформы, народ и управление текущими проблемами. А ведь как всё хорошо начиналось! Короля нет, олигархов почти всех поубивали, всюду свобода и равенство. Казалось бы, приближаемся к золотому веку. Только вот надо коррупцию победить, народ накормить, австрияков побить и ещё до фига всяких дел переделать, да вот только как — **qui** его знает.

День за днем в Конвенте велись ожесточенные дискуссии по поводу **как нам обустроить Францию**. Срач стоял неимоверный. Участвовали в нем следующие:

Жирондисты — крупные промышленники, заводчики, купцы, бывшие аристократы, сумевшие вовремя переметнуться куда надо — одним словом **буржуи**. После разгрома благородных аристократов прихватизировали себе все их богатства и потому совершенно не хотели перемен. Лидеры — Верньо, Бриссо, Ролан — все как один непревзойденные **демагоги**, **революционные демократы** и **львы толстые**, а на деле тянули резину и плевали на все реформы, которые задевали их интересы. В Конвенте они занимали места в самом низу.

Якобинцы — в основном небогатая буржуазная интеллигенция, всенародные представители. Не стоит считать их представителями прямо таки местного пролетариата: во всех буржуазных революциях того времени, вплоть до 1917, городские работяги были на стороне буржуазии, особо не выделяясь. Кто-кто, а вот они-то перемен очень хотели, так как им ничего не досталось, а жрать хотелось как и всем. По итогу якобинцы установили режим революционной диктатуры. В Конвенте эти товарищи сидели на галёрке, так что их партия заграбастала себе ещё одно прозвище — **монтаньяры** (от *mont* — гора). Лидеры у них были настолько колоритны, что об этих людях стоит рассказать отдельно:

- Робеспьер (парт. *Неподкупный, Непокколебимый*, искаж. *Роберт Пьер*) — ученик **Жан-Жака Руссо**, человек-машина, основной стержень партии. Движимый **Великой Идеей**, этот невысокий, щуплый и косноязычный человечек в белоснежном жабо ещё в годы работы в Учредительном собрании запомнился всем своей невозмутимостью и работоспособностью. Первоначально его высмеивали, не давали говорить, но он всегда высказывал свою мысль до конца, да так четко и логично, что его невольно все зауважали. Всей душой был предан революции и потому не имел ни сна, ни отдыха, ни

личной жизни.

- Сен-Жюст (*Архангел Смерти*) — самый молодой депутат 1792 года. Главный «прокурор» якобинцев, оглашавший обвинения против их врагов. По мере взросления становился лютым, отрешаясь от всего мирского во имя революции. Второй мозг после Робеспьера, с перспективами стать первым. Именно по его докладу будут приняты вантозские декреты. Подал большие надежды, пока не был гильотирован в 26 лет.
- Дантон (*Циклон*) — огромный и уродливый мутант, с громоподобным голосом, от которого у дам возникал оргазм, а у мужчин баттхёрт. Все его фразы тут же становились мемами, которые народ старательно записывал.
- Марат (*Друг Народа*) — подпольщик, псевдоучёный с неймоверно завышенным ЧСВ, ультралевый революционер с идеей фикс уравнивать всех людей на свете. Предпочитал [срачи вести в печати](#), из-за чего нередко менял место жительства. Под конец двинулся окончательно и начал громче всех вещать про массовые расстрелы, хотя считался вроде как [учёным-врачом](#).

«**Бешеные**» — радикалы руками, а не языком, представители народных низов, «санкюлотов». Выступали за экспроприацию земли, смертную казнь за спекуляцию, централизованное хозяйство и бесклассовое общество когда это еще не было мейнстримом. Первыми начали подозревать, что буржуй — по определению враг республики, демонстрируя по сути классовый анализ: *«Кто же такие лица, могущие занимать должность комиссаров? Это лица, умеющие читать и писать. Следовательно, в деревне это крупные землевладельцы, фермеры, бывшие привилегированные и судейские, в городах — это финансисты, крупные торговцы, адвокаты и прихвостни старого режима. Из этого следует, что судьба патриотов вверяется врагам республики и что арест подозрительных поручается негодьям и контрреволюционерам, надевающим на себя личину гражданства, чтобы убить свободу в лице ее наиболее преданных защитников»* ([Жак Ру](#)).

Как видите, орлы да и только. (*спойлер: Everybody dies*)

Болото (*Брюхо*) — пассивная часть Конвента, составлявшая его большинство. Склонялось то вправо, то влево, в зависимости от того, кто побеждает. Хотя на самом деле побеждали как раз те, кто сумел перетянуть болото на свою сторону.

- Между ними метался **Камиль Демулен** — журналист (хотя, судя по баттхерту, который вызывали его публикации, всё-таки журналист), тролль, лжец и, спасибо кутежам Дантона, не девственник. Не принадлежал ни к одному из направлений, подсирал и вашим и нашим. Алсо, как человек, начавший революцию — прототип [Команданте](#). Люто, бешено был ненавидим со стороны всяких *гор, болот и якобинцев*, но грубейшим образом положил МПХ на это. В противовес ненависти со стороны этих ваших робеспьеров, был обожаем [простым народом](#), и потому, ощущая свою безнаказанность, троллил всё и вся. Человек он был довольно наивный и преданный пафосным идеалам, но слишком буйный и эмоциональный, чтобы остаться на плаву, или хотя бы выделить свои цели и претворить их в жизнь.

Камиль Демулен: Aux armes, ня!

Так как якобинцам при разработке какого-нибудь закона всё время мешали жирондисты, якобинцы бесились, но терпели. Но когда открылось, что генералы из Жиронды, командовавшие войсками (война, кстати, в течение ещё 20 лет так и не закончится) подкуплены иностранными агентами и специально проигрывают сражение за сражением, якобинцы плюнули на напрасную демагогию в Конvente и организовали (стук барабанов!!!) [Революционный Комитет!](#) Вначале он работал только против жирондистов, но это только в начале.

И заработала гильотина. Это значило, что, с одной стороны, якобинцы частично уничтожали демократические завоевания, [начав революционный террор](#) («меньше народу — больше кислороду», «нет человека — нет проблемы» и т. д.). С другой же стороны, это значило, что они доводили перемены до непосредственного воплощения. Мякотка в том, что революционная демократия была балластом и помехой тогда, когда договориться было невозможно: в случае полной противоположности материальных интересов. Демократия мешала революционерам, вернее тем классам, что стояли за ними, в данном случае демократия мешала широким демократическим массам. Например, на якобинцев давили санкюлоты, лучший пример — это продавленные ими в 1794 году вантозские декреты о разделе имущества.

««Кто будет нашими врагами?»

Порочные люди и богачи. К каким средствам они прибегнут? К клевете и лицемерию. Какие причины могут благоприятствовать использованию этих средств? Невежество санкюлотов. Следовательно, надо просвещать народ. Но каковы препятствия для просвещения народа? Наемные писаки, которые изо дня в день вводят его в заблуждение бесстыдной ложью... Какое существует другое препятствие к просвещению народа? Нищета. Когда же народ будет просвещенным? Когда у него будет хлеб, и когда богачи и правительства перестанут подкупать лицемерные перья и языки для того, чтобы его обманывать. Когда их интересы совпадут с интересами народа. Когда же их интересы совпадут с интересами народа? Никогда»

»

— Робеспьер

Смерть умеренным! Смерть «бешеным»!

«Человек не создан ни для работы у станка, ни для больницы, ни для богадельни: все это отвратительно... не должно быть ни богатых, ни бедных. Бедняк выше правительства и сильных мира сего; он должен говорить с ними как хозяин... Нам нужна доктрина, которая осуществила бы эти принципы на практике и обеспечила бы благополучие всего народа. Богатство – подлость... Нищету надо уничтожить путем распределения национального имущества между бедняками. »

— Сен-Жюст

«Свобода не что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно морить голодом другой. Равенство — пустой призрак, когда богач благодаря монополиям пользуется правом жизни и смерти над себе подобными. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день действует контрреволюция, устанавливая такие цены на продукты, платить которые три четверти граждан могут, только обливаясь слезами... »

— Жак Ру

Свобода свободой, а жрать хотелось всем.

Сен-Жюст первым из якобинцев понимает, что богатства находятся в руках врагов революции, а значит либо революционеры что-то сделают с неравенством, либо неравенство что-то сделает с революционерами. Он же первый понимает, что такие меры мягко говоря несовместимы с республиканскими представлениями о власти и обществе, и выдумывает утопическую смесь спартанцев с фурьеризмом, который еще не придуман. И, кстати, мог быть никогда не придуман, потому что Фурье в самое ближайшее время будет находиться под угрозой расстрела из-за происходящих в стране революционных замесов.

Низы хотели жрать, а контрреволюция — защиты своего богатства от тех, кто хочет жрать. Никаких неурожаев не наблюдалось, и все понимали, что дело в корыстных интересах и политических решениях. Низы имели организованных представителей в лице «бешеных», которые любили прямые действия и были склонны собираться *ежедневно*, а принять и попробовать воплотить вантозские декреты означало

получить войну с умеренными буржуа жиронды. Один из лучших знатоков Великой французской революции Альбер Матъез прямо написал, что если бы декреты были воплощены в жизнь, это вызвало бы «новую социальную революцию»: революцию санкюлотов против буржуазии, то есть Парижскую Коммуну за 80 лет до Парижской Коммуны. Итак, якобинцы стояли между двумя непримиримыми интересами.

Логика была примерно такая: народ выбирает депутатов, депутаты принимают законы, кто против законов, тот «враг народа». И раз он сам решил быть против народа, народ вправе его покарать. 17 сентября 1793 года принимают декрет, по которому всех подозрительных можно держать в тюрьме «до наступления всеобщего мира». По сути презумпция виновности. «Подозрительные» это дворяне, священники, бывшие эмигранты и их родственники, а также все остальные. В октябре 1793 года под давлением голода «бешеные» жмут на якобинцев, и начинается террор. Были казнены всякие Роланы, Барбару и прочие жирондисты. Робеспьер не стал разбираться в сортах противников революционного режима и устроил чистку. Все были объявлены контрреволюционными элементами, подкупленными иностранными агентами, после чего отправлены на эшафот. И, самое главное, во многих случаях справедливо. Специально созданная следственная группа открыла масштабные случаи массовых убийств патриотов (типа белый террор), подрывов боеспособности армии и, ну как же без этого, распилы, откаты и прочие финансовые махинации. Правда, на последнем издыхании им всё-таки удалось в отместку выпилить Марата: опасаясь, что «друг народа» реально решил воплотить в жизнь программу «убить всех человек», после того как он в своей знаменитой речи потребовал сто тысяч голов, молодая, но отважная авантюристка Шарлотта Корде напросилась к нему на прием, вроде как с доносом. Марат сидя в ванной прочитал бумагу и добродушно улыбаясь сказал Шарлотте: «считайте этих людей уже покойниками», после чего Корде, так же мило улыбаясь, воткнула ему нож в грудь. Киллершу тут же повязали (она и не сопротивлялась) и отправили в трибунал, где Шарлотта заявила, что она выполнила свой долг перед человечеством и умирает спокойно. По свидетельству очевидцев 24-х летняя девушка вела себя во время казни так, что ей могла позавидовать Зоя Космодемьянская. Но якобинцы остались в выигрыше, взяв власть в свои руки. Якобинцы вначале радовались — сдохла проклятая Жиронда — и некоторые, Дантон, например, принялись с энтузиазмом делить имущество побежденных.

На память от братьев: создатель картины (Давид) тоже был якобинцем

Всё бы ничего, но замеченное Сен-Жюстом противоречие между неравенством и республикой никуда не делось. Не принять эти декреты якобинцы, конечно, вполне могли, но в таком случае они также вполне могли не досчитаться костей. По результатам доклада Сен-Жюста и, в первую очередь, в силу радикальности + организованности «бешеных» в феврале 1794 года принимаются вантозские декреты — «отнять и поделить». Как понятно, отнять и поделить не ради фана, а по голодной необходимости: ради уменьшения числа контрреволюционеров, увеличения числа сторонников революции и [великой справедливости](#).

Декреты, правда, повсеместно были саботированы по описанным в предыдущем параграфе причинам. Вантозские декреты были воплощены в одном только Сент-Этьене и больше нигде. Якобинцы не стали мудрствовать и назвались «умеренными», призывая уgomонится в уравнивании. И теперь либо якобинцы что-то делали с противниками неравенства, либо противники неравенства что-то делали с якобинцами. В оппозицию к ним стали бывшие союзники: «бешеные» во главе с Жаком Ру (бывшим католическим священником, который с сентября 1793 уже сидел) и эбертисты во главе с журналистом Эбером и известным в то время драматургом Пьером Шометом. Победят якобинцы, но уже в июле 1794 года станет ясно, что победа над санкюлотами была [пирровой](#). Ах да, в мае 1794 года якобинцы в лице Кутона предлагают декрет, «упрощающий судопроизводство»:

- Никаких адвокатов;
- Наказание только [одно](#);
- Варианта только два: либо оправдан, либо виновен;
- Решение выносится на основании не закона, а [«совести присяжных»](#) и [«доступной любому здравомыслящему человеку улики»](#);

Логика очевидна: они с нами не церемонятся, и мы с ними не будем. За 6 недель после этого декрета казнили больше человек, чем за 14 недель до того. Особенно сильно вляпался Шомет, сдавший всех своих подельников при первых же подозрениях на свой счет, хотя сами подельники сдали его уже за месяц до этого. Кто там был больше виноват уже неважно — гильотина всех уравнивала. К ним хотели присовокупить также и Дантона с Демуленом, но пожалели: первого за «революционные заслуги», второго (кстати, одноклассника Робеспьера) назвали [малолетним несмышленишем](#). Оба они обещали исправиться, но затаив злобу, стали кидаться в Робеспьера говном с удесyтерённой энергией. Демулен даже целый выпуск своей газеты «Старый кордильер» посвятил травле, очернению Революционного комитета. Результат очевиден, их, с небольшой компанией, всё-таки посадили. Демулен сник, зато Дантон не сдавался до конца. Он добился сделать суд открытым (сколько черни туда набежало!), громко обвинял судей в подкупе, некомпетентности, сыпал мемами так, что не успевали подбирать (цитата выше была произнесена именно тогда). Для пущего эффекта ввели в зал его жену с годовалым сыном.

Но якобинцы понимали — отступить уже нельзя. Если таких людей отпустить, то уж они-то не отпустят. Сам Робеспьер, по образованию адвокат, добивался закрытого суда без защиты. Поэтому довольно скоро приговор был приведен в исполнение. В день своей казни, уже смирившийся со смертью, но так и

несломленный, Дантон был непередаваем. Остальные приговоренные казались жалкими букашками рядом с этим гигантом а-ля Иисус Христос на Голгофе. Когда карета, в которой он ехал, проезжала мимо здания Конвента, Дантон крикнул прямо в раскрытые окна: «Робеспьер, я жду тебя», вызвав там минуту молчания. Перед смертью он попросил палача показать его отрубленную голову народу, потому что «она стоит того».

А гильотина все стучала и стучала... Всё больше и больше «подозрительных» чихали в корзину. На эшафот всходили даже самые ярые сторонники казни короля, если они не были якобинцами, например, герцог Орлеанский, родственник самого короля, с самого начала принявший республику, демонстративно отказавшийся от титула, принявший новую фамилию «Равенство» и голосовавший за казнь короля. [Градус неадекватности](#) был таким, что на эшафот по очереди поднимались противники продолжения террора, как Дантон, и сторонники дальнейшего передела собственности и революционного террора, как вожди «бешеных».

По тщательным подсчетам историков от массового террора якобинцев скончалось 2600 человек, но это только по суду. Погибшие так или иначе, включая банальное сведение счетов с соседом, это где-то 35-40 тысяч человек. Действуя единым фронтом против внутренних и внешних врагов, на вершине своего могущества якобинцы были для них неуязвимы. Весной 1794 года раздаются голоса о том, что нужно еще одно последнее усилие, и, наконец, удастся вычистить проклятую контру. Но конкретные имена почему-то не называются, что очень напрягает ВСЕХ депутатов без исключения. Вскоре конкурентов у якобинцев почти не осталось.

Хотя...

Смерть якобинцам!

«... Робеспьер не дремлет.
Скрипит пером Сен-Жюст. »

— Бийо-Варенн. 8 термидора.

«Фу! Этот страх...
Как можно жить под вечной угрозой? »

— Колло д'Эрбуа. Тогда же.

Вскоре победители занялись [выяснением отношений между собой](#), и оттого в этой кровавой кутерьме умудрились выжить некоторые эбертисты и дантониисты. Террор якобинцев был массовым, но совершенно несистематическим, то бишь избирательным и зависящим от решений отдельных лиц. Тот же Робеспьер спасет от гильотины 75 депутатов-жирондистов, которые отблагодарят его по полной программе. Якобинцы разгромили и умеренных демократов жиронды, и неумеренных демократов «бешеных» — и последнее стало для них [началом конца](#). Когда контрреволюция вернется с реваншем, санкюлоты будут без вождей и организаций, чтобы ей противостоять, а якобинцам будет не на кого опереться. Тот же Жак Ру заколет себя в тюрьме, а в тюрьму его посадят якобинцы. А те, до кого карающая рука якобинцев добраться не успеет, устроят переворот и выпилят их всех. Произошло это 9 термидора (27 июля).

[Что характерно](#), власти якобинцы лишились так же, как ранее Дантон и прочие. В тот день Сен-Жюста, на днях вернувшегося после блистательной победы на фронте, во время его доклада о врагах революции прервал Колло д'Эрбуа и дал слово Бийо-Варенну, который призвал арестовать Робеспьера и его команду. Тот хотел сказать что-то в ответ, но слова ему так и не дали. Более того, не дали ему даже подойти к трибуне и разорвали галстук (точь-в-точь как в Верховной Раде Украины). Тщедушный и болезненный Робеспьер от ора и крика быстро охрип, на что ему кричали: «Это кровь Дантона душист тебя!». Неподкупный не догадывался, что ещё вчера остатки умеренных договорились с остатками «бешеных», когда-то призывавших повесить всех умеренных, об организации переворота. Вскоре якобинцев арестовали (решение приняло податливое брюхо Конвента) и отправили в тюрьму.

Но кино так быстро не закончилось. В тот очень длинный для якобинцев день в результате хитрых бюрократических проволочек им таки удалось свалить и укрыться в ратуше. Народ им благоволил и не давал жандармам войти в ратушу. Но Робеспьер затушил — страшному почитателю закона не нравилось такое положение дел, вместо быстрой и решительной контратаки он засел за сочинение прокламаций — и момент был упущен: около полуночи народ ушел и в ратушу ворвались гвардейцы. Там они застали настоящий пир смерти: Робеспьер выстрелил себе в рот и раскромсал челюсть (по официальной версии в него выстрелили); его брат Огюстен выбросился из окна (неудачно); Леба застрелился; якобинец Кофиналь выбросил другого якобинца Анрио из окна с криком «Вот к чему привела твоя трусость!». Лишь Сен-Жюст спокойно отдался в руки термидорианцев.

Те же великодушно отвели революционеров на самое популярное шоу тех лет (да-да на гильотину), куда, кстати, и сами вскоре отправились. Успев, однако, устроить в духе [Ельцина](#) настоящие девяностые, с гиперинфляцией и [буржуями](#). От целенаправленной экономической политики умер по меньшей мере 1 миллион голодающих, которых и представляли санкюлоты. Что является другим способом массового убийства политических противников, исполнить которое никакая гильотина не могла бы технически.

«...через тот или иной департамент проходит обоз с продовольствием, но до места назначения он не доходит, потому что местные спекулянты... стакнувшись с конвоирами, овладевают этой казенной кладью и обращают ее в свою пользу. При Робеспьере подобные операции могли повести прямым путем к гильотине; после 9 термидора они сходили с рук вполне безнаказанно. »

— Тарле, "Жерминаль и прериаль"

Страна вернулась к дореволюционным временам при новых порядках, а всякое бурление было подавлено. Привилегии аристократов отменили, получив равноправие де-юре, при полнейшем обнищании населения, коррупции в стократном размере и диком неравноправии де-факто. Революционеры выполнили радикальные задачи и стали не нужны, только мешали [делать профит](#) и [просто жить](#). Их успокоили.

—Смерть Импичмент термидорианцам!

События 9 термидора позволили вернуться в Конвент немногим уцелевшим жирондистам, которые справедливо заключили, что пора брать курс [взад](#), покуда целы. Это привело к тому, что уже к июню 1795 года слово «революционер» было запрещено (sic!).

Как уже было сказано выше, предпринятая путчистами политика шоковой терапии привела к ситуации, аналогичной той, что развернётся практически ровно через 200 лет в [этой стране](#): хотели как лучше, а получили... Ожидалось, что, в лучших традициях анкапа, невидимая рука рынка всё порешает. На деле галопирующая инфляция практически полностью обесценила национальную валюту, а хлеб одно время выдавали по карточкам. Экономический пиздец привёл к Прериальскому восстанию, в ходе которого остатки санкюлотов были окончательно опиздюлены и сведены до уровня подполья.

В августе Конвент принимает новую Конституцию, по которой образовывалась Директория, а также две палаты — Совет пятисот и Совет старейшин, причём хитрожопцы из Конвента ввели две замечательных меры. Во-первых, чтобы ограничить всяких якобинцев и санкюлотов, был введён оче большой избирательный ценз. Во-вторых, чтобы не дать прийти к власти всяким реакционерам, было решено, что на первый раз две трети обеих палат будут составлять члены Конвента. Узнав о столь изощрённой многоходовочке, роялисты испытали [неприятное покалывание ниже спины](#) и 13 вандемьера вышли на улицу с целью выразить своё неодобрение проводимым реформам. Более того, повстанцы практически взяли под свой контроль Париж и могли прийти к успеху, если бы фактический глава директории Баррас вовремя не нашёл будущего корсиканского властелина Франции, молодого генерала Наполеона Бонапарта и ко. Благодаря Мюрату у генералов были [пушки](#), а роялисты, соответственно, таковых [не имели](#). Конец немного предскажем.

А тем временем лихие девяностые в стране продолжались: гиперинфляция, разгул бандитизма, пик спекуляции. Уцелевшие якобинцы почувствовали, что будто бы обрели второе дыхание, и решили было организовать заговор, но санкюлоты, которые должны были поднять бедноту, в тот момент были на респауне, что предопределило грустный исход в виде расстрелов и, да-да, гильотины. И, тем не менее, беда для термидорианцев пришла откуда не ждали — их поправки к первым выборам советов привели к тому, что большинство взяли монархисты и противники Директории. Последняя, когда её решили ограничить в финансовых возможностях, обиделась и при поддержке того самого Бонапарта (который к тому моменту уже был не *renis canina*, а человеком, нагнувшим Италию и по сути вместе с ней всю первую коалицию) взяла и уебала неугодных депутатов. Случилось это 18 фрюнктидора 1797 года.

Уебав парламент, термидорианцы показали, что эксперимент с Конституцией всё (то есть по сути вбили ещё один гвоздь в крышку гроба затолканной в него внутрь Революции). С другой стороны, они своими же руками усилили влияние армии. А Наполеон между тем и не думал останавливаться. Директория, разрешившая поход в Египет ради того, чтобы генерал не набрал ещё больше популярности в народе, совсем не ожидала, что после него он вернётся чуть ли не живой легендой.

А тем временем сформировалась вторая антифранцузская коалиция, во время войны с которой светило отечественной военной науки [фельдмаршал Суворов](#) и предпримет свой знаменитый Швейцарский поход через Альпы. К 1799 году стало вообще не до смеха, ибо Францию с её доминионами начали драть в хвост и гриву. Правительство стало настолько непопулярно, что чуть ли не каждый француз хотел лично сказать: «Кто? Директор??? Да пошёл ты в жопу, директор». Возникла неиллюзорная возможность реванша якобинцев с последующим весельем как в старые добрые времена Революционного трибунала. До директора Сийеса, который в жопу не хотел, дошла, наконец, мысль о том, что Конституция 1795 года является [не совсем пригодной](#) и надо что-то менять. Для исполнения своего плана он сговорился с самим Бонапартом. На заседание Совета старейшин утром 18 брюмера удалось собрать только тех, кто готов был принять декрет на условиях брюмерянцев (ибо отдавать свою жопу на волю якобинцев тоже страшно). Однако в полдень на собрании палат в Сен-Клу Совет пятисот так просто не растерялся, а решил поголовно присягнуть Конституции образца 1795 года, что заставило будущего императора Франции, отложившего огромный шлакоблок, стремительно рвануть с вооружённой охраной в оранжерею, где заседала палата. И вновь brave народцы не растерялись, а пиздюлями и криками «Вне закона!» привели

в ужас отважного генерала, буквально рухнувшего в обморок и вынесенного наружу на руках. За братишку пришлось впрячься Люсьену Бонапарту, который, на счастье, был председателем Совета пятисот. Трагикомедию завершил Мюрат, отыграв матроса Железняка и просто выгнавшего всех КЕМ.

Переворот 18 брюмера и закончил десятилетие богатой на события Великой французской революции.

Исторические аллюзии

«Сетуют на революционные меры! Но мы – умеренные люди в сравнении со всеми другими правительствами. В 1787 году Людовик XVI велел перебить 8 тысяч человек, независимо от возраста и пола, на улице Меле и на Новом мосту. Двор повторил это на Марсовом поле. Двор вешал людей в тюрьмах; утопленники, которых вылавливали из Сены, были его жертвами. Было 400 тысяч заключенных; в год вешали по 15 тысяч контрабандистов, колесовали по 3 тысячи человек; в Париже тогда было больше заключенных, чем ныне. Во времена голода против народа посылали полки солдат. Прогуляйтесь по Европе: в Европе 4 миллиона заключенных, чьих криков вы не слышите... Ваш Революционный трибунал за год приговорил к смерти 300 преступников. А испанская инквизиция, разве она не погубила больше? ... А разве суды Англии за эти годы никого не осудили на казнь? А Бендер, который велел сжигать бельгийских детей! А узилища Германии, где погребен целый народ? О них вам не говорят! Может, вам говорят о милосердии королей Европы? Нет. »

— Робеспьер о Европе, которую они потеряли

А теперь давайте на минутку отвлечемся от суровых событий, творившихся в Париже, и займёмся историческим анализом.

Как уже говорилось выше, революция в России похожа на революцию во Франции. Причины такого расклада понятны: 1) все революции проходят одинаково; 2) при создании новых революций опираются на опыт самой первой. Но анализировать так интересно и увлекательно, что попробуем рассмотреть всё по пунктам:

- **Личности монархов** Людовик XVI до ужаса был похож на Николая II. Такой же характер, точно так же находился под каблуком своей жены, австрийской принцессы (жена Николая была немкой), которую народ также не любил за национальность и мотовство. Точно так же коронованная парочка дичайше котировала святых-колдунов-магнитизёров. Такой же фатализм и вера в свою трагическую судьбу. Тот же похуизм в государственных делах. Такая же привычка пускать всё на самотёк. Точно так же отстранял от власти более-менее толковых министров, а его братья-племянники воровали наглейшим образом и стаскивали страну в сраное говно. Был у него и свой Столыпин — Тюрго. При коронации погибла пара тысяч голов быдла, а король, как и Николашка, приказал продолжать банкет. Точно так же при надвигающемся пиздеце попробовал созвать парламент. Кончил, правда, не в подвале, а на городской площади. Да и вслед за ним отправилась только жена, десятилетний сын умер в тюрьме от голода.
- **Ход событий** Сравните сами: Бастилия — Февральская революция, Учредительное собрание — Временное правительство, вступление в войну — обещание вести боевые действия «до победного конца», штурм Тюильри — штурм Зимнего, красно-белый террор в арифметической прогрессии — и тут же бело-красный террор, правда прогрессия уже геометрическая. Стоит также отметить такие события, как демонстрация женщин-работниц 23 февраля (8 марта) в Петербурге и Версальский поход, почти сплошь состоявший из женщин.

А ещё оба два монарха любили шмалять по воронам

Файл:Flag of the Soviet Union.svg

Кроме всего упомянутого, в провинции Вандея (французский аналог Кубани) происходила своя продразверстка. Революционное колесо расколошматило 450-500 тыс. местных зажиточных пейзапов, которые мало того, что были зажиточными, так ещё очень набожными. По деревням двинулись продотряды: впереди революционное Знамя, а под ним комиссар (да-да, так их и звали!), перепоясанный трёхцветным шарфом, несколько

- **Репрессии.** Во имя революции выпиливалось огромное количество людей, уничтожались целые классы (дворянство, например), а кто успевал — уходил в эмиграцию. Для поиска врагов народа/революции создавались специальные органы власти (Кровавая Гебня), суровый меч которых вскоре настигал и самих революционеров. ИЧСХ, оба главных диктатора ушли из жизни после довольно смутных обещаний выпилить каких-то найденных врагов внутри партии, из-за чего припекло каждому.
- **Мировое отношение.** Революцию, как в России, так и во Франции, мир не ждал. А как увидел — испугался, как бы у самих такого же не случилось. Поэтому тут же начались интервенции в эти страны. И те и другие интервенцию отбили, а вскоре и сами всех победили. В обоих случаях правители окружающих стран сделали соответствующие оргвыводы и таки продвинулись в вопросах реформ на своих территориях. Разница лишь в том, что белым поддержка интервентов ой как аукнулось на многие годы, в то время как поддержка британцами Вандей и шуанов прошло как то незаметно для французских поцтреотов.
- **Действующие лица.** Хотя буржуазные революции и социалистические не есть одно, наша революция выполняла задачи обеих, и сопоставить кое-что можно.
 - Мирабо — демагог, единственный из умеренных, кто поначалу имел какой-то авторитет среди народа, но в истории остался как «враг народа» (после его смерти вскрылась его переписка с королевой), в чем-то соответствует нашему Керенскому.
 - Дантон и его умеренное крыло в этой борьбе за власть соответствуют меньшевикам и правозесерам. Марат (Ленин) — самый главный буржуазный радикал — вождь якобинцев (большевиков), издавал газету «друг народа», где изобличал «врагов народа». За свои постоянные призывы к продолжению революции и свержению жирондистов (временного правительства) подвергся гонениям со стороны властей, и ему приходилось прятаться среди простонародья (шалаш Ленина), в отличие от Ленина пережить нападение пламенной девушки-контрреволюционерки не смог.
 - По причине стихийного развития событий к власти приходят отнюдь не бойцы подполья, а относительно медийные и умеренные персонажи, часто связанные интересами с **серьёзными людьми**. По причине их умеренности и связей они сознательно запедаливают реформы и у французов, и у нас, отчего в борьбе за власть побеждают сторонники дел — революционной диктатуры и массового террора — Робеспьер и Сен-Жюст, Свердлов и Троцкий. Всех оппонентов и там, и там объявляют «**врагами народа**», способствующими возвращению монархии и желающими погубить революцию.
 - Робеспьер и Ленин оба были адвокатами, и оба в бытность адвокатами были яркими противниками смертной казни, но, придя к власти, стали ее яркими сторонниками!
 - Жак Ру и «бешеные», Эбер и эбертисты представляли интересы бедняков и середняков (бедных, но уже собственников) соответственно. Внешне похожи на «**левых коммунистов**» и позднейшую «левую оппозицию» в своем неприятии **невидимых рук рыночка**, аналогичных НЭПу.
 - Среди «бешеных» доставляла фигура **Анахарсиса Клоотса** — прозванный «рупором человечества» первый «революционер-интернационалист» (приехал на праздник революции из Германии), очень хотел принести революции всему миру и своей родине, в дальнейшем у большевиков таких помощников-«интернационалистов» из-за бугра будет хоть отбавляй.
 - Термидорианцы и Наполеон идентифицируются со Сталиным и сталинистами. Сталин умер в звании Генералиссимуса, но живи он на сто лет раньше, не исключено, что назвал бы себя ИМПЕРАТОРОМ РЕСПУБЛИКИ.
 - Термидорианцы-контрреволюционеры казнили 16 тысяч человек и напрямую поспособствовали голодной смерти *миллионов*. Наполеон первым делом расстрелял всех недовольных из картечи, после чего отжигал на фронтах столько раз, что демографический провал по мужчинам выровнялся только через три(!) поколения. За заслуги перед Отечеством Наполеон весь 19 век пробыл в чине божества-заступника и борца с несправедливостью у либералов и просто обиженных жизнью. Никого не напоминает? Сен-Жюст, Робеспьер и компания революционеров казнили 2.600 человек, за что получили клеймо поехавших фантазеров и фанатиков гильотины, не отжившее до сих пор. Весь 19 век Робеспьера именовали не иначе, как «чудовищем», хотя за все время революционного террора с жизнью попрощались 40 тысяч человек против миллионов чуть позже.
 - И там и там была гражданская война с монархистами, которые впоследствии превратились в неоднородную массу из всех более или менее несогласных с новым режимом. И там и там с одной стороны был наспех завербованный в армию обыватель и «молодые генералы из народа» под руководством политкомиссаров, а с другой, поцтреоты старой закалки и наиболее активная часть недовольных хаотичной политикой новых властителей судеб. Примечательно, что

вместительных повозок под зерно, ну и гильотина в обозе, куда же без неё. Поскольку опомнившиеся селяне схватились за вилы и мушкеты, а жратва в городах (несмотря на значительное уменьшение числа городских едоков) закончилась, баттл за ресурс развернулся нештучный. Пейзане были обвинены в контрреволюции, революционеры — в надругательстве над верой вплоть до сатанизма, в общем, ожесточение сторон было фантастическим. В плен республиканцев если и брали, то чтобы устроить показательное **гуро**. В результате «адские колонны» генерала Тюро прокатились по Вандее, выжигая на своём пути всё живое и реквизируя всё съедобное. Завершилось дело в Нанте: не успевая гильотинировать и не имея пороха расстреливать, революционеры загнали тысячи пленных на баржи, которые и затопили. По итогу погибло где-то 250 тысяч республиканцев и 200 тысяч их противников.

приснопамятная Вендая была одним из любимых примеров для подражания у беляков, а нантские утопления и вовсе рассматривались как предвестник барж гражданской.

- Появилось понятие «коррупированной гильотины», неиллюзорно напоминающее «[кровоавую гэбню](#)» с доносами.
- В обоих случаях шельмование любых(!) несогласных и удаления из истории ненужных имён героев былых времён было поставлено на квадратно-гнездовой конвейер, что в корне и на столетие дискредитировало народную демократическую революцию. Тот же Робеспьер был объявлен «чудовищем революции», «тираном», «кровопийцей», короче, подонком из бухаринско-зиновьевской банды.
- Народные массы и у нас, и у них эти обвинения проглотили, и в переписанную историю свято поверили. А каждый, кто не поверил, что новая власть это единственные тру-революционеры, очутился на гильотине/Бутовском полигоне как «враг народа» и «контрреволюционер».
- **Изменения имён.** Производились как во Франции, так и в Советской России. В обоих случаях были придуманы [революционные календари](#) с революционными названиями для дней. В нашей стране все еще существуют [такие интересные имена](#), которые остались в памяти людей с советских времён.
- **Переход к личной диктатуре** под соусом продолжения той же революционной республики. Во Франции Наполеон всем раздал люлей, стал пожизненным консулом республики, а потом и императором. В России Сталин не короновался, конечно, но если бы захотел, никто бы и не пикнул. Что характерно, оба были не коренной национальностью, а из каких-то южных меньшинств, но это никого не смущало. Правда, потом бравый Бонапарте свою великую войну продул, а вот Коба от своей даже вышел в плюс.
- **Финал.** Советская Россия через 70 лет снова стала [Россией, которую мы потеряли](#), а вот Революционная Франция с начала революции 80 лет занималась практически одной революцией. По окончании описанного выше Хранцией порулили в хронологическом порядке [Наполеон](#) (до 1814), Бурбоны (братья гильотинированного Людовика; до 1830), герцог Орлеанский (сын гильотинированного гражданина Эгалите; до 1848), вторая республика (до 1854), вторая империя (до 1870), и третья республика положила конец параду правительств, просуществовав до ВМВ (ИЧСХ, как раз 70 лет). Смена каждого правительства сопровождалась репрессиями различной степени свирепости, сейчас во Хранции пятая республика (четвёртой называлась парламентская республика 1945—1958 годов, до того как Де Голль навёл хоть какой-то порядок и принял новую конституцию). Так что запасаемся попкорном и ждём...

Мемы

Флаг Франции

После взятия Бастилии, революционеры придумали себе отличительный знак: кокарды синего и красного цветов (именно в такой гамме выполнен [флаг Парижа](#)), а Лафайет придумал добавить ещё и белый — исконный цвет Бурбонов и старого знамени Франции. Соответственно, на основе этих цветов (порядок и расположение полос изначально были хаотичными) и начали изготавливаться французские знамёна, а чуть ли не последний декрет якобинского Конвента от 20 мая 1794 года стандартизировал вид национального флага.

Так и появился тот самый сине-бело-красный вертикальный триколор, который развевается над Францией уже два с лишним века (с промежутком в период Реставрации, когда флагом было белое знамя Бурбонов; алсо, последний Бурбон — граф Шамбор, имевший все шансы стать королём Франции в 1873 году, был послан нахуй именно из-за нежелания признать национальным флагом трехцвет). Кроме того, стандарт французского триколора (основной принцип которого — самый светлый цвет должен быть посередине) лёг в основу флагов множества стран — от Бельгии и Италии до всяких там Чадов, Гвинеи и прочих банановых республик, бывших в своё время колониями Франции. А, например, флаг Гаити — первой в истории колонии, добившейся независимости, был сделан по принципу «вырезать белое». В прямом смысле — [вместе с населением](#).

Le drapeau français

Liberté, Égalité, Fraternité

Заглавный девиз всей революции, определяющий всю её программную деятельность. Позже он стал включаться во все международные документы, в том числе и «Декларацию прав человека». Кроме того, эта фраза стала государственным девизом Франции и Гаити. Авторство его не известно, вполне вероятно, оно было выкрикнуто кем-то в толпе. Правда, русский критик Белинский в письмах к друзьям писал, что придумал его сам Иисус Христос. Что интересно, изначально лозунг звучал как *Liberté, Egalité, Fraternité ou la mort*, но потом последние слова откинули, ибо после «эпохи террора» умирать ради этой неведомой хуйни перешотели. Кстати, первые два принципа (свобода и равенство), если вдуматься, взаимно исключают друг друга, а третий вообще не имеет однозначного толкования. Такие дела!

Алсо, свобода, равенство, Упячка.

Алсо, Свобода! Равенство! Братство! Любовь по разумным расценкам! И яйцо вкрутую!

Левые и правые

То есть, реформаторы и консерваторы. А разгадка одна: справа в Национальном собрании сидели консерваторы-фельяны, слева — революционеры-якобинцы.

Революция пожирает своих детей

«Революцию задумывают идеалисты, совершают фанатики, а её плодами пользуются мерзавцы. »

— пострадавший Анонимус

«Революция, подобно Сатурну, начнет пожирать своих детей одного за другим »

— один из вариантов

Принцип за авторством Дантона предположительно Верньо, главного жирондиста, оказавшийся невероятно точным для практически любой победившей революции. Заключается в том, что чуть менее, чем во всех известных случаях за революционным подъемом следует спад — первоочередные задачи уже решены. На более сложные деяния либо уже просто сил нет, либо те, кому они нужны, находятся в явном меньшинстве, почему-то все еще сохраняя государственную власть. В результате вчерашние борцы за свободу делятся меж собой по вопросам продолжения революции — «чего ради?» и «кому надо?».

Более приземленные тираноубийцы превращаются в хитрых ублюдков, привлекающих на свою сторону 95% и убивающих своих вчерашних сотоварищей, а потом и друг друга ради власти. Самое трагическое, что убийства вчерашних сторонников происходят не ради какого-то лично профита, а ради сохранения самой революционной власти — если хитрые и циничные не привлекут остальное население к конвейерному расстрелу своих вчерашних соратников, то на их место очень быстро встанет недобитая контра, которая при помощи тех же самых 95% населения свергнет революционную власть и расстреляет вообще всех. «История — мамаша суровая», — ради сохранения хоть каких-то достижений революции революционерам приходится осуществлять контрреволюцию самим, и делают это не самые лучшие из них, а самые усредненные и незаметные. До революции неуёмные личности умирают под пытками кровавого режима, а после удачного её завершения — гибнут в промышленных масштабах, но уже от рук своих бывших сподвижников.

Попутно революционные идеи превращаются в разряд новых догм. Несмотря на то, что сам Верньо вряд ли имел ввиду что-то ещё кроме дележа за власть среди французских революционеров, самая идея о том, что после победы революции революционер и тиран меняются местами, оказалась невероятно живучей и кратко формулирует спад после любых революционных изменений: от сталинских репрессий в СССР до новой волны пуританства в мире победившей сексуальной революции.

Террор

Мы, со своей стороны, склонны думать, что жестокость Фукье объясняется тоже тайной склонностью к садизму; доказательством этого может служить то, что он обожал лично присутствовать при казнях, и особенно, когда на эшафот возводились молодые и красивые женщины: он приказывал тогда ускорять час своего обеда, чтобы затем владыке насладиться зрелищем казни "красных рубах". Для этого "красного человека" было истинное наслаждение смотреть, как под ударом страшного ножа падали прелестные женские головки, и как из-под него струилась теплая, алая кровь...

— Обыкновенное хобби столичного французского прокурора

Ежедневная мясорубка, от которого даже у самого настоящего гурмана будет изжога. Книги исследователей террора иногда вставляют не хуже чем фильмы ужасов или слешеры. Проводилась по требованию наглухо ебанутой толпы, доведенной до состояния стопроцентных битардов за время перед революцией и сдерживаемой лишь небольшой группой адекватов в революционном трибунале и конвенте. Первоначально террор заключался в банальном буйстве самого этого быдла, которое устраивало погромы и уничтожало «подозрительных». Впоследствии террор становится политическим оружием, в том числе демагогов, которые под видом борьбы со шпионами, внутренними врагами и предателями крошат друг друга за власть. Впрочем, с учётом тотального похуизма в делопроизводстве, сотни людей могут казнить из-за того, что какой-то идиот перепутал дела, фамилии или указы.

С другой стороны, суды во время террора напоминают такой цирк лицемерия и нарушения закона, что юрист или либерал, читающий документы о революции, может реально охуеть. К примеру, Эбера ко всему прочему обвинили в краже рубашек, дантонистам запретили защищать себя во избежание фейла

обвинения, а большинство дел состояли из списка лиц + обвинение и смертный приговор. Наконец, якобинцев во главе с Робеспьером казнили сразу, уже вовсе не заморачиваясь формальностями.

Марсельеза

Ещё один госсимвол Франции, возникший в те славные времена. Настолько песня была эпичная, что с самого своего возникновения в 1792 г. стала неофициальным гимном всех революций, включая [февральскую](#). Во время «Весны Народов» 1849 г. была переведена на все европейские языки. С первых строк она приводила в невероятный ужас монархов и дворян, а позже и буржуа, особенно, когда её пели у них под окнами.

Собственно текст (в переводе с французского):

[Лора Провансаль, «Королём владеющим Кораблём»](#)

«...Закон не бывает суров —

Не нужно подкупа и слов
Одному мановению бритвы!

»

— Анонимус

«1.

Вперёд, Отчизны сыны вы, Час славы вашей настал! Против нас вновь
тирания Водрузила кровавый штандарт. Слышишь ты в наших полях
Зло воет вражий солдат? Он идёт, чтоб сын твой и брат На твоих был
растерзан глазах!

Рефрен

К оружию, друзья Вставайте все в строй, Пора, пора! Крови гнилой
Омыть наши поля

2. Что алчет орда этих **спрутов**, Изменников и королей? Для кого
уготованы пути, Плели что они столько дней? Для нас французы, для
кого, Каким сомнениям тут быть? Нас опять поработить Проклятое
служит ярмо!

3. Как так! иностранцев когорты Приговор несут нашим судам! Как
так! Беспощадные орды Прочат смерть нашим сынам! О Бог!
Скованные как рабы мы Пойдём опять под ярмо, Станет снова старый
деспОт Хозяином нашей судьбы.

4. Дрожите, тираны, их слуги, Отбросы разных слоёв. Дрожите! все
злые потуги По заслугам получают своё! Мы все - солдаты в битве с
вами. Один падёт, придёт другой. Рождённый нашей землёй И с
жаждой биться с врагами.

5. Французы, вы в битвах усердны, Вам не знать ли пощады к врагам.
Так будьте милосердны К против воли пришедшим к нам! Но не к
тиранам кровожадным Но не к сообщникам Буйе Этой хищных стае
зверей Беспощадным и плотоядным!

6. Любовь святая к Отчизне Веди нас, поддерживай нас Свобода - тебе
наши жизни Сражайся в наших рядах! Пока победы нашей знамя Над
головами не взойдёт Противник твой грозный падёт Триумфом твоим,
нашей славой!

7. Мы тогда выйдем на сцену Когда наш настанет черед Наши предки
нам будут примером По их следу идти будем вслед Мы не хотели б
пережить их Сколь за дело начатое ими Делами славными своими
Жизнь отдать иль отомстить!

»

— Анонимус

Aussi следует заметить, что нам известна версия в аранжировке Жака Оффенбаха, которая была
произведена в 1830-х годах. Оригинальное творение Руже де Лилля несколько отличалось от привычной
нам мелодии.

Бастилия

Крепость-**тюрьма**, штурм которой стал одним из символов ВФР. День взятия Бастилии (14 июля) — национальный праздник у лягушатников и повод забухать у **алконавтов**-интернационалистов. Через год после взятия снесена. Кирпичи разошлись по карманам народа или попали в музеи революции по всей Франции.

Гильотина

Суровая машина убийства, благодаря простоте механизма и отсутствию затрат позволяющая умерщвлять людей в промышленных масштабах и очень быстро. Состоит из двух балок с подвешенным на веревочке топором между ними. Ввиду популярности использования, коренные французы ласково прозвали её «старой шлюхой», ибо кто только на ней не лежал! Интересна история её создания: первоначальная конструкция была спижжена **доктором Гийотеном** у шотландцев и ирландцев, рубивших ею головы ещё в XIV веке.

На самом деле, история создания гильотины несколько иная. До революции во Франции головы рубили только дворянам, остальных же ждал весёлый перечень колесований-четвертований-повешений и прочего **гуро**, как и во многих тогдашних традиционных обществах. Гийотен всего-навсего выступил перед Национальным собранием пока ещё королевской Франции, предложив не устраивать гурятину, а гуманно рубить всем головы. И не тупым ржавым топором, а **специально обученной** машиной. По этому случаю, опираясь на зарубежный опыт, и была запилена гильотина, **названная в честь не изобретателя, а автора реформы**. Машинка эта так понравилась королю Людовику, что он, с целью уменьшить мучения казнимых, даже помог довести изобретение до ума, а позже лично проверил её действие на практике. Кстати, есть мнение, что пианино с вертикально расположенной декой изобрёл палач-музыкант, вдохновившись конструкцией гильотины (действительно, все старинные клавесины-клавикорды-фортепьяны имели горизонтальную деку, как у современного рояля, унаследованную ещё от гуслей). На самом деле, вертикальное расположение деки описывал ещё Преториус в его "Syntagma Musicum", а наиболее старый из сохранившихся клавицинтеров (clavicytherium) (клавесин с вертикальной декой) относится аж к 1470 году н.е. А разгадка не популярности таких инструментов проста- стоимость инструмента любой конфигурации примерно одинаковая, а у того кто может позволить себе клавесин скорее всего может позволить себе его разместить. А для нищевродов существуют клавикорды, микроскопические спинеты и оттавины, некоторые из них помещаются буквально на коленях музыканта, и имеют вид гуслей в коробке из под конфет и клавиатурой.

Революция закончилась, но подарок доброго доктора Гийотена служил человечеству ещё очень долго — сия машинка применялась во Франции аж до 1977 года (причём, вплоть до 1939-го — публично), в бывших французских колониях в Африке — до девяностых (**Иди Амин** и **Бокасса** официально одобрили). В Конго **до сих пор** формально (но не фактически) предусмотрена как законный способ смертной казни. Ею также с удовольствием попользовались наши **немецкие друзья**, как западные, так и **восточные**. Кроме Франции с колониями и Германии, применялась ещё много где — от Швеции (правда, только один раз) и Греции до Швейцарии, Италии и Бельгии, а последний раз её чуть не запилит в качестве средства казни целый американский штат **Джорджия** в 1996 году.

Санкюлоты

Революционно настроенные **бедняки**, боевая сила революции. Именно они штурмовали Бастилию и Версаль, и в дальнейшем **грабили@убивали** врагов революции. Название пошло от длинных штанов, в которые одевались мелкие буржуа и ремесленники (фр. sans-culottes — без кюлот), в отличие от аристократов, которые носили кюлоты — короткие штаны до колен. По сути, сферическая революционная толпа в вакууме, без сожаления устраивающая погромъ тем, кому не повезло быть их оппонентом. Одно из самых известных её дел — Сентябрьские убийства — производило впечатление бездумного зерг-раша, когда «враги революции» уничтожались пачками, впоследствии даже без какого-либо подобия суда. В остальном же — обычное быдло, приходящее поглазеть на гильотинирование и используемое политиками как биомасса.

Журналистика

Таки да. Журналистика в современном виде берёт свое начало именно с ВФР [1]. Именно тогда сформировалась периодическая печать, было проведено первое журналидское расследование, и именно тогда газеты начали освещать происходившие события, а не публиковать объявления о продаже коровы. Алсо, Камиль Демулен считается первым журналидом и примером образца для современных личинок журнализда. Такие дела.

Французский республиканский календарь

С наступлением новых времен, как все думали тогда, требовались совершенно радикальные реформы. В том числе был отменен такой

Испытание детского образца гильотины

пережиток прошлого, как юлианский календарь, существование которого было невозможно в атеистическом государстве. Отсчет времени начали вести не с рождения Христа, а со дня свержения власти короля, случайно совпавшим с осенним равноденствием. Годы стали называться годами Разума, месяца по типичной для них погоде, дни в честь овощей и фруктов. Например, 1 января по этому календарю назывался бы буквально день глины, а 1 сентября — день грецкого ореха. Люди, склонные к СПГС, найдут в нем много пищи для ума.

Была попытка привести к десятичной системе исчисления времени, и даже были выпущены пробные образцы часов с циферблатом на 10 чисел. Но для введения в жизнь этого безумного плана потребовалось бы полностью менять систему определения географических координат и перепечатывать все атласы и навигационные справочники. Поэтому идею тихонько похерили.

Смена левостороннего движения на правостороннее

Поелику большинство людей — правши, то испокон веков все старались ходить/ездить так, чтобы можно было в любой момент выхватить клинок (висевший слева на перевязи) и ударить с правой руки встречного противника, который по дефолту тоже справа. В силу тех же, в общем-то, причин, каждая уважающая себя замковая башня оборудовалась левозакрученной (и даже не обязательно винтовой) лестницей — дабы клинкам атакующих (снизу) размахивать этими самыми клинками мешалась бы несущая стена, а обороняющейся и, следовательно, отступающей вверх/контратакующей сверху команде наоборот было сподручнее эту самую оборону держать.

Французский Реввоенсовет внедрил революционную меру — изменив данный порядок с точностью до строго наоборот. Ибо так труднее выхватить клинок и ударить встречного, а стало быть — якобы, безопаснее. С тех пор чуть менее, чем полмира движется по правой полосе. Многие — в особенности БАСШ и [Ещё-Та-Страна](#) — на волне иррациональной симпатии к французским ревчудачествам нововведение переняли. В то время, как на [Туманном Альбионе](#) лишь брезгливо обфыркали «эти континентальные причуды», предпочтя придерживаться старых-добрых традиций (своя революция и свой [Наполеон](#) у них уже были, и ломать было нечего). Равно, как и в большинстве английских колоний — тот же Кипр например, где по сию пору движение организовано по классической схеме.

Алсо, как всегда, существует и альтернативная версия. Мол, окрыленные первыми победами французы стали водить свои войска исключительно по правой стороне дороги с понтом «либо сражайся с нами, либо вали нахер с нашего пути». Вот и пришлось всем, кто желал остаться просто мимокрокодилами перебираться на противоположную часть дорог. Ну и закреплению данной привычки во всех местах, где французы успели побывать хотя бы в течении нескольких месяцев, способствовали пиздюли от французской же службы организации движения.

Экспорт революции

Идея экспорта революции, сиречь попытка разжечь пожар революции по всему миру, а не только у себя, пришла в буйные головы французов не случайно. Героически вышвырнув за пределы Франции всевозможных интервентов, желавших восстановить на троне короля, революционеры понимали, что, если не начать наступление на противника, Францию рано или поздно измотают и задавят — у революции тупо кончатся боевые хомячки, не говоря уже о винтовках, снарядах и жратве, а у противника возможности по клепанию юнитов куда больше, благо против Франции ополчилась вся Европа. А из [как бы](#) союзников — только США, подбадривающие французов из-за океана письмами и немного жратвой, ибо больше у молодой цитадели демократии один хрен ничего не было. Именно тогда и возникла идея создавать свою личную армию за счет народа соседей. Ну и, конечно, руководство республики было не прочь поэкспроприировать у церкви и покалнить ещё немножко бла-ародных господ, но уже на чужом поле.

Конец

Увы, но революция закончилась тупиком. Норот побургозил, сломал Бастилию, покилал дворян и друг друга, а что делать дальше — так и не разобрался. Старые порядки безвозвратно были сломаны, люди получили возможность жить по-новому, но воспетое царство свободы, равенства и братства так и не наступило. Молодые революционеры перерезали друг друга в борьбе за власть, а заместо них, к власти пробрались хитрые проходимцы, которые спокойно нажили себе бабла на коррупции и экспатриации, пока самые идейные резали друг другу глотки. В результате им осталось только добить особо живучих и всех заебавших, чтобы старый порядок сменился на жирующую буржуазию.

А вскоре к власти пришёл один [маленький человек](#), и автократия была восстановлена. Много хорошего сделал этот парень за свое правление: спас Францию от полного разгрома Европой (Итальянский и Швейцарский походы Суворова, например), устранил

Образец часиков с революционным десятичным циферблатом.

коррупцированное правительство, создал выдающийся Кодекс имени себя, действующий во Франции до сих пор. А затем, взяв из прошедшего революционного бардака яростные лозунги и буйные идеи, начал свои великие завоевания. И началась эпоха могущества... и стухла она через десять лет.

Но революционный запал не потух. Мир навсегда запомнил эту славную революцию и много лет спустя вспоминал о ней с благоговением, несмотря на все её ошибки и недочеты. Подвиг Великой Революции ещё **много, много, много** раз попытаются повторить как в самой Франции, так и в других **европейских** странах, но наибольшим успехом увенчается **опыт** Этой страны. Для всех них, через много лет ломавших мир голодных и рабов, революция отзывалась эхом далекой французской Авроры!

А не случись бы всего этого в том далёком и славном 1789 году, жили бы мы сейчас при царе-батюшке и не тужили. Или тужили...

Гуро на улице Транснонен. Апрель 1834

Франция

Renault Logan Блез Паскаль Бомарше Бутик Великая теорема Ферма
Великая французская революция Вольтер Вьетнамская война Галльское нашествие на Рим
Декарт Дело Дрейфуса Дидро Д'Артаньян и три мушкетёра Жан-Жак Руссо Жанна д'Арк
Же не манж па сис жур Зидан Извините мой французский Иностраннный легион
Красная Шапочка Крестовые походы Крымская война Маркиз де Сад Марсельское убийство
Маянезик Мерлезонский балет Месье знает толк в извращениях Минет Мистраль
Мясо по-французски Наполеон Николая Саркози Нострадамус Отечественная война 1812 года
Палата мер и весов Паркур Первая мировая война Постмодернизм Призрак Оперы
Россия в 1839 году Серж Гензбур Синдром Туретта Синдром французского борделя
Статуя Свободы Съешь ещё этих мягких французских булок Франция Шевалье д'Эон

История

1917 28 героев-панфиловцев 3,62 We Wuz Kangz Авария в Уиндскейле Аверченко
Александр II Александр Македонский Александр Невский Александр Суворов
Алексей Михайлович Англо-бурская война АПЛ «Курск» Арабо-израильские войны
Арктические конвои Афганская война Бальдур фон Ширах Бандеровец Барак Обама
Батяка Махно Белоруссия/История Берия Берлинская стена Бессмысленный и беспощадный
Блез Паскаль Блокада Ленинграда Бокасса Бомарше Бомбардировка Дрездена
Борис Соколов Братание Брежнев Бросок на Приштину Бушков Вавилон Ван дер Люббе
Вежливые люди Векослав Лубурич Великая Отечественная война
Великая французская революция Ветеран Куликовской битвы Ветхозаветные мемы Викинги
Вителлий Власовцы Военная операция в Сирии Война в Южной Осетии Вольтер
Восьмидесятые Вьетнамская война Гай Марий Галльское нашествие на Рим
Гармодий и Аристокитон ГДР Геббельс Гелиогабал Генерал Мороз Геноцид армян
Геноцид в Руанде Герман Геринг Гетто Гитлер Гладиаторы Говно мамонта Голодомор
Госдеп Гражданская война в России Гражданская война в США Дальневосточная республика
Девяностые Декарт Дело Дрейфуса Десятые Децимация Джон Кеннеди Джордж Буш
Дидро Дикий Запад Динозавры Долбославие Дональд Трамп Дракула
Древнерусские мемы Древний Египет Древний Рим Древняя Греция Евгений Понасенков
Египетские пирамиды Ежов Екатерина II Ельцин Жан-Жак Руссо Жанна д'Арк
Железный занавес Жуков Загнивающий капитализм Заговор генералов Заговор Катилины
Закручивать гайки Зоя Космодемьянская